

ПРИТЯЖЕНИЕ I

Екатерина Романова

Екатерина Романова

Притяжение I

«Издательские решения»

Романова Е.

Притяжение I / Е. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839232-0

Амелия Уэйнрайт мечтала окончить университет и стать старшим партнером в фирме Тринити. Но с тех пор, как основатель фирмы проявил к ней интерес, жизнь Амелии коренным образом изменилась. Победы и поражения, интриги и загадки, мир богатых и внимание журналистов, а самое главное — притяжение, которое невозможно унять и тайна Генри Эллингтона, так рьяно им оберегаемая.

ISBN 978-5-44-839232-0

© Романова Е.

© Издательские решения

Притяжение I

Екатерина Романова

Дизайнер обложки Екатерина Романова

© Екатерина Романова, 2017

© Екатерина Романова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9232-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В его карих глазах – огоньки живого интереса и задора, но лицо при этом невозмутимо официальное. Я обожала эту его манеру, вызывать трепет одним лишь веселым взглядом при серьезном и даже строгом выражении лица. Взгляд завораживал, манил, околдовывал, в нем была сокрыта вселенская тайна, которую так хотелось разгадать. О чем вы думаете, глядя на меня так? Взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, чуть дольше положенного. Они разом пересохли, и инстинктивно я облизнула их, слегка закусив нижнюю губу. Руки словно налились свинцом и тяжелой грудой неуклюже лежали на папке с документами, которые я подготовила для встречи. Карие глаза подернулись пеленой, в них появилась какая-то опасная глубина, опасная, но такая горячая, что все волосы на моем теле встали дыбом, словно атмосфера вокруг наэлектризовалась. Стало трудно дышать и, чтобы судорожно не хватать ртом воздух, я уже нервно кусала нижнюю губу и теребила пальчиками край папки. Карие глаза плотоядно наблюдали за тем, как я это делаю. Он видит меня насквозь. Ноги превратились в желе, а внизу живота разлилось трепетное тепло. Так стыдно, но так волнительно!

Он медленно поднялся с кресла, вырастая надо мной словно могучая скала. Высокий, широкоплечий Аполлон в обтягивающей белой рубашке с расстегнутой от усталости верхней пуговицей и безукоризненно сидящих на нем дорогих смолянисто-черных брюках. Я затравленно подняла голову и умоляющим взглядом посмотрела на него, медленно приближающегося ко мне. Он не шел, он буквально плыл, настолько каждое его движение было гармонично, идеально: плавно покачивающиеся бедра, перекачивающиеся под рубашкой мышцы. Остановился прямо передо мной и устало провел рукой по слегка кудрявым агатово-черным волосам, чуть тронутым сединой. Она делала его безумно сексуальным. Как и небрежная трехдневная щетина... так и хотелось провести по ней языком, перебирая пальчиками его упругие локоны. Остро кольнуло внизу живота.

Он смотрел на меня сверху вниз, как хищник на жертву, как победитель, получивший желанную добычу, с беспристрастным лицом, но жгучим взглядом карих глаз. Я сдалась и дрожала как осенний лист на ветру, почти до крови кусая губу, пытаюсь прийти в себя... мы общались одними глазами, долго, мучительно долго, пока он одним хищным броском не поднял меня и не усадил на стол, жадно впившись своими бедрами в ложбинку между моих ног. Пульсирующая горячая плоть лишила меня рассудка, сильные руки одним движением разорвали блузку. Пуговицы рассыпались по полу. Мой рот был атакован жадным поцелуем мягких губ и властного языка, чье прикосновение окончательно лишило меня разума.

– Проверим эффективность? – прошептало горячее дыхание возле моего уха, опускаясь ниже, к оголенным и жаждущим ласки грудям.

– Да... – томно простонала я в ответ.

О боже... Карие глаза смотрели на меня сверху вниз с неподдельным интересом. Черт... во рту солоноватый привкус крови.

– Ау... губу прикусила... – я закрыла рот ладонью и смущенно отвернулась. Стыд-то какой! Фантазировать о начальнике, который на десять лет старше, да прямо в его присутствии! Как я до такого докатилась&

– Амелия? – его теплые пальцы приподняли мой подбородок, заставляя посмотреть в его глаза. – И правда, кровь...

Он достал из кармана брюк белоснежный льняной платок и промокнул им кровь на моей губе. Я судорожно сглотнула, не в силах отвести взгляд от его безупречно красивого, но неизменно серьезного лица с четко очерченной линией волевого подбородка, которым так удобно любоваться из этого положения. Было в моменте что-то чересчур личное, что-то настолько глубокое, что не описать словами, только почувствовать сердцем.

– Ты? – он остановился на полуслове и провел тыльной стороной ладони по моей щеке. Электричество острой волной скатилось к паху и затрепетало в желудке тысячью бабочек. Я закрыла глаза, лишь бы не видеть этот магнетический взгляд, – отвлекаешь меня, – голос низкий и слегка сиплый, это на него совершенно не похоже.

Тишина... едва различимое щелканье секундной стрелки часов за стеной...

– Проверим эффективность? – не сразу нашлась я, но голос неподдельно дрожал, он умолял, он заявлял о полной капитуляции и молил о пощаде. Я не могла открыть глаза, не могла видеть его, но должна была пересилить себя, взять в руки.

Веселые огоньки пропали из карих глаз. Он смотрел на меня тягостно, словно в его голове боролись две армии, нас тянуло друг к другу, не как магниты, сильнее, в тысячи раз сильнее. И это нельзя было отрицать. Он здесь, совсем рядом, его нога касается моих коленей, а пальцы держат подбородок... и электричество искрит так, что свет в кабинете кажется крошечной тьмой.

– Нет, – уверенно отрезал он и, резко выдохнув, отвернулся. – Ты отвлекаешь меня, Амелия. Сегодня мы ничего уже не сделаем. Да и поздно, я отвезу тебя домой.

– Спасибо, мистер Эллингтон, я доберусь на автобусе... – после длительной паузы я пришла в себя и неуклюжими, еще ватными пальцами принялась собирать бумаги, которые выпали из папки и распластались по полу. Как можно быть настолько неловкой?!

– В полпервого ночи, – уже сидя за столом и не отрываясь от бумаг, скорее констатировал, чем спросил он.

Собрав документы, я затравленно озиралась по сторонам в поисках сумочки. Кажется, я зашла в кабинет вместе с ней, ведь собиралась сразу после обсуждения формальностей, отправиться домой.

– Тогда... видимо, такси вызову... если сумку найду...

Закончив читать документ, мужчина поставил размашистую подпись и принялся с интересом наблюдать за тем, как я, словно хомячок, роющийся в опилках, мечусь по кабинету в поисках сумки.

– Мне, несомненно, доставляет удовольствие наблюдать за вами, Мисс Уэйнрайт...

Он держал мою сумочку, а карие глаза искрились плотоядным огнем. Вот она... такая редкая улыбка, которую крайне сложно заполучить. В такие минуты лицо мистера Эллингтона становится ослепительно прекрасным, добрым и открытым, на него невозможно наглядеться, как невозможно надышаться свежим горным воздухом.

– Спасибо, – скромно потупив взгляд, я взяла сумочку и вышла из кабинета в галантно открытую передо мной дверь. Он не собирался слушать мои оправдания. И не спрашивал разрешения. Он просто брал и делал. Всегда так.

В лифте я проклинала все на свете за то, что родилась женщиной. И так каждый раз. Сердце бешено стучалось в грудную клетку, желая вырваться из тесного тела. Мне казалось, что он слышит, чувствует это. Еще двадцать один этаж... двадцать... наши пальцы едва соприкоснулись. Молния не способна поразить острее, чем его мимолетное касание. Воздух, мне

нужен был воздух. Стало дурно от остроты вожделения, такого порочного и запретного и я вот-вот могла потерять сознание, уже не разбирая, где реальность, где фантазия, где мои руки, а где он... пятнадцать... скорей, пожалуйста. Бросило в жар, а по спине, напротив, прокатилась волна холода.

– Ты в порядке? Посмотри на меня, – зачем он взял мое крошечное лицо в свои прекрасные большие ладони. Я как маленький воробушек в заботливых руках большого человека. Все кружится, плывет. – Амелия, посмотри на меня.

Я так и не смогла этого сделать. Помню лишь упругую горячую грудь под моей щекой, в которую колотилось его сердце, мягкость шелковой рубашки, сильные руки, тонкий аромат парфюма и бесконечно нежные объятия...

Тысячи иголок впились в мою кожу одновременно, и я резко полной грудью вдохнула ледяной воздух. От неожиданности закашлялась.

– Амелия, ты меня слышишь? Посмотри на меня, я здесь, – спокойный уверенный голос вел за собой, возвращая из мира забытья в реальность. Ночная прохлада, мелкий холодный дождь, ударяющий игольчатыми капельками по лицу и рукам, и уверенные карие глаза, не позволяющие мне снова потерять сознание. – Когда ты в последний раз ела?

– Что? Я... я не... – голова кружилась, и я не могла понять, где нахожусь, и что происходит. Осознать смысл вопроса не удавалось тем более. Чтобы я не свалилась с лавки, мистер Эллингтон прижал меня к своей груди и медленно гладил по каштановым кучерявым волосам. Наконец, постепенно приходя в себя, осознала, что не ела уже очень давно. – Не помню.

Я обрела покой под размеренный и сильный стук его сердца. Звук, который я не смогу забыть ни за что на свете. Не удержавшись, положила ладонь ему на грудь. Невиданная дерзость в моем положении, но... Его сердце замерло на мгновение и после нескольких растерянных ударов, вернуло привычный ритм. До чего же приятно осознавать, что я стала виновницей подобных сбоев.

– Тебе нужно хорошо питаться, – его слов я никогда не смела послушаться. – Я совсем тебя загонял. Возьми завтра выходной, эффективность подождет до среды, сделка с американцами только на следующей неделе.

– Вы любите, чтобы все было готово раньше срока, – я прижалась к нему всем телом, спрятав руки на его спине под пиджаком, словно он не мой начальник, а самый близкий, самый нужный, самый важный на земле человек. Словно в этот вечер социальный статус и субординация не имеют никакого значения.

– Есть вещи важнее сроков, – задумчиво протянул он, позволяя растерянно терять свою рубашку. – На улице холодно, тебе нельзя мерзнуть, идем.

Придерживая за талию, мистер Эллингтон довел меня до своей машины: черного BMW 7 серии и усадил на сиденье. И только оказавшись в тишине и тепле автомобиля, в маленьком замкнутом пространстве рядом с ним, я поняла, насколько устала. Последний год был для нас очень плодотворным, но отнял безумное количество времени, сил, как физических, так и душевных, а деньги, полученные от вложений не способны восполнить принесенные ради них жертвы. Нет... так больше не может продолжаться.

– Я думаю уйти из фирмы, – наблюдая, как в тусклом свете фонаря проносятся маленькие метеориты ледяного дождя, устало протянула я.

Тишина. Он не заводит мотор.

А ведь это первый раз за все время, когда я оказалась в его машине. Никогда прежде он не подвозил меня до дома, хотя я уходила из офиса и позднее. Однажды даже уснула на его диване, где и была замечена, отругана и отправлена домой с отгулом. Но что-то изменилось сейчас, какие-то границы были стерты. Вчера он будто невзначай спросил, как расстаться с женщиной, чтобы не обидеть ее, а сегодня я сижу здесь. Все догадываются, что бесконечно оди-

нокое и холодное сердце мистера Эллингтона согревают разные женщины. Но ни с кем его не видели дважды. Хочу ли я стать этой однодневкой?

– Да, думаю, так будет лучше, – щелчок и машина мягко завибрировала, мурлыкая работающим мотором. Приятный звук дополнили нежные ноты фортепиано, приглушенно разлившиеся по салону автомобиля. Rob Costlow, из подборки, которую я составляла для официальной части вечеринки в честь его дня рождения. Приятно.

Но это не тот ответ, который я ожидала услышать. Да, я, конечно, не была незаменимым работником, учитывая, что мой статус – практикантка и, мне приходилось совмещать работу с учебой, часто приходиться только после лекций и засиживаться допоздна. Я заканчивала пятый курс экономического факультета и через неделю, сразу после сдачи последних экзаменов, мне предстояло получить диплом специалиста. Думала, он предложит остаться, оценит мои заслуги или хотя бы ободрит...

– Ты отвлекаешь меня, – ответил он на невысказанный мною вопрос и автомобиль плавно отправился рассекать ночную тьму. Он знал, куда ехать. Я не давала ему свой адрес, но он абсолютно точно знал, куда направляется.

– Но я молчу и ничего не делаю, – мне было нечего терять. Сейчас или никогда. Слишком долго я ходила по краю, лелеяла опасные мечты и не позволяла себе думать о нем. Почти пять долгих лет. Но зачем вообще жить, если не рисковать?

– Ты понимаешь, о чем я, – он стиснул зубы и впился в руль так, что костяшки на его длинных пальцах стали белыми. О чем он думает сейчас, что происходит в его голове? Невозможно отвести взгляд от сосредоточенного спокойного профиля. Есть что-то невообразимо сексуальное в мужчине, спокойно и уверенно ведущем автомобиль. В мужчине, в чьих руках, по сути, твоя жизнь.

– Нет, признаться, я не понимаю, – но, кажется, начинаю догадываться. Мне бы хотелось верить, что начинаю догадываться.

– Со мной слишком опасно.

Я усмехнулась. Да, действительно, помню, как на второй год стажировки к моему виску приставили пистолет с полным магазином патронов и сказали, если не выдам местоположение мистера Эллингтона, они сделают из меня решето. Не сделали, хотя вполне могли. Местоположение я не выдала, а спасло меня то, что вовремя подоспели агенты службы безопасности... С тех пор они уже не раз спасали мне жизнь, а я все еще отношусь к опасностям беспечно. Опасности придают остроту жизни.

– Я не хочу подвергать тебя опасности.

– Это не вам выбирать. При всем уважении.

– Амелия, – угрожающе начал он.

– Генри, – мягко парировала я. – Господи... простите, мистер Эллингтон... я... простите, это было не уместно.

Он остановился на обочине пустой трассы, освещенной лишь тусклым светом фонаря, и заглушил мотор.

– Ты отвлекаешь меня, – глядя куда-то вдаль. Карие глаза были полны грусти. – Даже от вождения машины, – улыбка одними уголками губ. Сердце замерло и разбилось на тысячу осколков, а в следующий момент его губы нашли мои и горячий властный язык беспощадно исследовал мой рот, сцепившись с моим языком. Его поцелуй был неистов, полон отчаяния, страсти, желания. Он целиком подчинял и обезоруживал, а я не сопротивлялась, я хотела, мечтала быть подчинена этим прекрасным мужчиной. Легким рывком он усадил меня к себе на колени, и я почувствовала под собой его огромное желание... он желал меня. ОН желал МЕНЯ... неужели такое возможно... пока его губы терзали мой жаждущий рот, руки с силой сжимали мои ягодицы, заставляя тереться о его растущую и твердеющую плоть. Юбка задралась неприлично высоко. Никогда прежде не думала, что буду так отчаянно хотеть заняться

любовью с ним... издав глубокий гортанный рык, он оторвался от меня и прижался лицом к моей груди. Наши сердца сошли с ума, соревнуясь в скорости биения, дыхание сбивчивое и полное страсти разрывало царившую вокруг тишину. Мои руки блуждали по его спине и волосам, а губы целовали лоб прекрасного мистера Эллингтона. Пожалуйста, не останавливайся, я чувствую, знаю, что ты хочешь этого также сильно, как и я.

– Амелия, – мое имя, хрипом сорвавшееся с его губ, звучало до невозможности эротично. Я прижалась к нему, что было сил, и он, издав приглушенный стон, обнял меня в ответ так, словно я самое желанное на свете чудо. – Это неправильно, – тем не менее, дорожка трепетных поцелуев была проложена от шеи до ключицы.

Сама не веря своей испорченности, я пошевелила бедрами, заигрывая с ним. Я терлась о его набухший член своей промежностью, жаждущей властного проникновения, утоления похоти, пресыщения.

– Какое это имеет значение сейчас, – хрипло прошептала я.

Глубокий, долгий, страстный поцелуй отринул все мои сомнения... я желанна таким великолепным мужчиной, как мистер Эллингтон.

– Если я продолжу, – отрываясь от поцелуя, но вновь возвращая мне целительный бальзам своих губ, мистер Эллингтон пытался обуздать сжигающую его похоть. – Ты будешь... жалеть...

– Никогда...

Не в силах оторваться друг от друга мы целовались, растворяясь в объятиях, сплетении рук, нежности языков. Миг растянулся до масштабов вечности, вырвав нас из реальности и подарив мир, в котором нет времени. Только бесконечно прекрасное здесь и сейчас. В поцелуе больше не было пошлости или разврата, только вся глубина преданности, благодарности, страсти.

– Я... хочу... тебя..., – прерывая поцелуи для слов, прохрипел он.

– Пожалуйста, – я изнывала в его объятиях, извиваясь как змея, умоляя овладеть мною. Мне было плевать, кто и что подумает. Да и кто узнает? Здесь и сейчас были только он и я, и мы хотели друг друга. Только это имело значение.

Обхватив мое лицо ладонями, он прижался к моему лбу, только чтобы держать наши губы на расстоянии, ведь мы не могли насытиться страстью и негой, искрившими между нами.

– Амелия, если мы сделаем это... пути назад не будет...

– Плевать, – я отчаянно пыталась вернуть утраченные позиции, вернуть такой нужный, такой целительный поцелуй.

– А мне нет, – казалось, к нему вернулось самообладание. В такие моменты полной решимости он был непреклонен, и спорить с ним бесполезно. Я вдруг почувствовала себя ужасно неловко: с задранной юбкой, оторванными пуговицами на блузке, растрепанными волосами... Он же выглядел великолепно даже после страстной атаки со стороны своей незадачливой подчиненной.

– В таком случае, – разочарованно и слегка обиженно резюмировала я, – мне лучше вернуться на соседнее сиденье.

Без его помощи я бы в жизни в узкой юбке-карандаш и на шпильках не перелезла бы с его колен на пассажирское кресло.

На прощание, прижав меня к себе и пленительно вдохнув аромат моих волос, он поцеловал меня в висок и поправил распахнувшийся ворот блузки. На пассажирском сиденье я оказалась также неожиданно, как и на его коленях. Стало холодно, неуютно, одиноко... даже больше, чем стыдно и обидно. Меня отвергли. Но почему, ведь он хотел этого не меньше, чем я? и если разум говорил «нет», то тело не намекало, оно кричало «да, да и еще раз да!». Тем не менее, он обуздал страсть и оттолкнул меня.

Окно пассажирской двери атаковали ледяные колкие капли дождя. Захотелось подставить разгоряченное лицо под небесные слезы, чтобы скрыть собственные. Если не смыть ими позор, то хотя бы охладить пыл...

– Посмотри на меня.

Я была не в силах сделать это. Слишком сильны стыд и обида.

– Амелия.

Нет. Я не могу.

Мягкий рык мотора и в полной тишине мы умчались вдаль. Он вдавил педаль акселератора до упора, видимо, стремясь заставить меня посмотреть на него, но это бесполезные попытки. Я доверяла ему. Доверяла полностью, абсолютно, доверяла так, что желай он меня убить – мог бы это сделать, и я не стала бы противиться.

Никогда не видела мистера Эллингтона злым или сердитым. Бесконечно открытый человек со смешинками в карих глазах, но сейчас в них были только тревога и... отчаяние?

Мы стояли около моего подъезда уже десять минут, и никто не решался первым начать разговор. Время близилось к двум часам ночи. Несмотря на обиду и досаду, я не хотела прощаться с ним, ведь знала, завтра, когда взойдет солнце, все это – уйдет, словно было наваждением, сказкой, историей Золушки, которую заметил и полюбил прекрасный принц. «Полюбил на одну ночь», – злорадствовало подсознание. «И то долюбить не смог».

Наконец, не выдержав, он вышел из машины и открыл мою дверь, помогая мне подняться и выбраться из низкого автомобиля.

– Спасибо, – сухо процедила я, избегая его взгляда. Но это стало невозможным, когда я оказалась в его стальных объятиях, а властные пальцы подняли мой подбородок прямо навстречу двум карим звездам.

– Смотри на меня. Всегда, – какое-то странное, неведомое мне откровение, словно в этих словах заложен больший смысл. – Осуждай, ненавижь, люби, презирай, но смотри на меня, прямо в глаза. Как всегда это делала...

Мне стало страшно. Что он имеет в виду? Люби. Могу ли я полюбить такого, как мистер Эллингтон? Слишком невероятно, чтобы быть правдой.

– И не забудь питаться, Амелия, – пальцы скользнули с подбородка вниз по шее и вверх, к щеке. Благородный, но долгий поцелуй, и он оставил меня одну. Прекрасный, сильный, спокойный, бесконечно добрый и надежный мистер Эллингтон оставил меня одну, наедине с неутоленной похотью и голодным желудком. И что мне с этим делать?

* * *

Проснулась я совершенно разбитая, хотя и намеревалась крепко выспаться. Яркие лучи весеннего солнца ослепляли, а ведь я не открывала штор... На меня грозно уставились две аквамариновых точки чьих-то глаз. Громко взвизгнув, я уставилась на Одри, пытаюсь понять, кто я, кто она и что происходит.

– Ну, ты мать даешь, – усмехнулась Одри. – Вставай, на работу опоздаешь!

– У меня сегодня выходной. А точнее – отсыпной, – я закрыла голову подушкой и намеревалась использовать появившееся время по целевому назначению.

– У тебя? Выходной? – недоверчиво протянула Одри, стаскивая с меня одеяло. – Не пытайся меня обмануть, знаю я твои уловки.

– У меня правда выходной, самый настоящий!

– Неважно, – отмахнулась она. – Вставай или я сама открою твой подарок.

– Какой подарок? – я с любопытством выглянула из-под подушки. Единственное, что я люблю больше, чем поспать – это подарки и сюрпризы.

– Вот если встанешь – сама увидишь. Я же его не открывала. Только карточку прочла, которая в цветах была, – она невинно закатила глаза и покружилась по комнате. Меня забавляло игривое настроение Одри, сразу хотелось жить и верить в любовь.

– Все, уговорила, встаю.

Я размашисто потянулась на кровати и, согнав Люсиль – мою белоснежную красавицу кошку, скатилась кубарем с постели.

Кто придумал столь изощренную пытку – утренний подъем? Усиленно зевая и показывая всем видом, что я жутко недовольна ранним вставанием (девять утра в выходной – рано, учитывая, что выходных за последние пять лет у меня не было), поплелась в прихожую. Квартира, в которой мы с Одри жили, была устроена по типу студии. Прихожая плавно переходила в гостиную и кухню. Нам это нравилось и, пожалуй, именно потому в свое время мы и купили эту квартиру. Казалось бы, странно покупать квартиру вместе с подругой, но мы дружили с самого детства, и нам хотелось иметь большое комфортное жилье, а для этого необходимо достаточно большой капитал, который можно собрать только совместно. Спасибо родителям, трем работам и кредитам.

– Ого, – я замерла, увидев в вазе на журнальном столике гигантский букет из бардовых бархатных роз. Каждая роза размером с мою ладошку, крупная, ароматная, крепкая. Такой красоты я прежде в жизни не видела, не говоря уже о том, чтобы получать. Мне, конечно и раньше цветы дарили, но такой букет – никогда. Кто бы это мог быть? Хотя, внутри меня уже расцвели миллионы лотосов в надежде, в предвкушении инициалов Г. Л. Э. Он всегда подписывался Г. Л. Э., не расшифровывая. Генри Леонард Эллингтон.

– Здесь 99 роз, я пересчитала после того, как записку прочла, – Одри, забавно потрянув золотыми кудряшками передала мне карточку. Я не таила на нее зла, мы все делили на двоих, кроме мужчин, потому тайн между нами не было. После гибели моей родной сестры Одри полностью заменила ее, как бы... как бы страшно это ни звучало.

– Не забывай питаться, – прошептала я. – Г. Л. Э.

Уголки моих губ затерялись где-то в волосах, а грудь разрывало от дикой, бешеной радости. Я захлебывалась от счастья и рассмеялась, как ненормальная. Одри с удивлением наблюдала за метаморфозами.

– Подруга, ты ли это? – она плюхнулась на диван и с любопытством меня рассматривала. – Что с тобой станет, когда коробку откроешь?

Без церемоний развязав красный шелковый бант, я открыла белоснежную коробку и рассмеялась еще сильнее. Я хохотала так, что, казалось, стекла в окнах задрожали.

– Ами, я тоже хочу это знать!!! Это прислал твой шеф? Генри Эллингтон, это его инициалы?

Я не могла говорить, только хрюкала и смеялась, пытаюсь урвать частичку воздуха.

Одри заглянула в коробку и с удивлением обнаружила в ней большой сет из роллов, стейк из свинины, гречневую лапшу с мясом и овощами и большое количество сладостей. Вдобавок ко всему, внутри лежала бутылка дорогого красного вина.

– Необычный, однако, подарок... это он из жалости или как?

Едва совладав с собой, я уставилась счастливым взором на Одри, не переставая улыбаться.

– Боже мой, да ты втрескалась? – бессовестно пробуя пальцем крем с пирожного, догадалась она.

Я бешено закивала головой.

– По уши, – уже не вопрос, а констатация факта.

В ответ донеслись лишь невнятные хрипы и хрюканье.

– Он на 10 лет старше тебя, – игриво сморщилась подруга, словно проглотила лимон.

Я вновь, хихикая, закивала головой.

– У вас что... о Боже, Амелия, у вас...

Довольно улыбаясь, я пожала плечами и закатила глаза.

– И насколько все серьезно, он тебя уже поимел?

- Одри, – наигранно возмущилась я и запустила в нее подушку, лежавшую в кресле.
- Так поимел? – не отставала подруга.
- Не совсем.
- Это как так – не совсем? Не встал?
- Боже, Одри! Встал и еще как... просто он оказался... воспитанным.
- Воспитанным? Бросить женщину на грани экстаза? Это не воспитание, это облом называется...

– Я не знаю, Одри, не хочу об этом, давай просто порадуемся и поедим! Слава богу, сегодня только к трем на экзамен и больше никуда не нужно торопиться, – я схватила ролл с омлетом и филадельфией и, обмакнув в соевый соус, отправила в рот. – М-м... божественно! Сделка с американцами только на следующей неделе, но эффективность буду рассчитывать завтра, с немцами тоже все... улажено... погоди...

Я побледнела. Вот черт. Только не это.

– Только не говори, что с немцами не все улажено?

– Твою ж мать! Сколько времени, Одри?

– Успокойся, еще только 15 минут десятого...

– Черт... черт, черт, черт!!!! Немцы будут у Эллингтона ровно в 10, а папка с договором у меня!!!! Я вчера схватила ее, потому что он... ну он отвлек меня, Господи, вызови такси, умоляю! – я носилась по дому, как петухом в задницу клюнутая. Я не имела права так подставить его. Ведь он доверяет мне... без этого договора сделки не будет, а немцы, увидев неорганизованность мистера Эллингтона, не станут вдаваться в подробности, просто развернутся и уедут. В конце концов, его компания – не единственная на рынке финансовых услуг, хотя, несомненно, одна из самых крупных и надежных. Надежность – это слово как нельзя лучше характеризовало и компанию, и ее руководителя. Но вот помощница ему досталась та еще.

Наспех нацепив черные облегающие брюки, синий шелковый топ, слишком откровенный, но первый, который попался под руку, шпильки, я забрала каштановые волосы в высокий хвост.

– Такси подъехало?

– Угу, – пожевывая лапшу и злорадно усмехаясь, кивнула Одри. – Синее корыто 353, ждет у подъезда.

– Корейское? – сморщилась я, окидывая квартиру в поисках сумочки.

– Не Опель Астра явно. На барной стойке.

– Спасибо! – Я схватила сумочку и полетела к выходу.

– Папку-то не забудь!

– Точно, спасибо! – вернулась в свою комнату, схватила со стола папку и вылетела за дверь, уже только в коридоре услышав крик Одри:

– Пиджак оставила, балда!

Несмотря на то, что наступил май, на улице по-прежнему было холодно, в районе пятнадцати градусов, а значит, я рисковала подхватить простуду, которую не имела права подхватить. Вдобавок эти непрекращающиеся морозящие дожди, колющие иголками ледяных капелек. С другой стороны, уж лучше я умру от воспаления легких, чем подведу мистера Эллингтона.

– Жасминовый проспект, 74, пожалуйста. И если можно – поторопитесь, я доплачу.

Таксист, кавказской наружности, с большим усилием переключил рычаг коробки передач и машина, взвизгнув, сорвалась с места. Не знаю, чего в этот момент я боялась больше – не успеть передать документы или умереть по дороге и не передать их вообще. До работы – 35 минут, а времени у меня оставалось только 30... Я спешно придумывала и оправдывала свое появление в кабинете мистера Эллингтона в самый разгар встречи, ведь наверняка будет пробка у лифтов (здание в 75 этажей, а лифтов всего шесть), задержка-очередь на пропускном

пункте, ведь я забыла свой пропуск, а, значит, будут звонить в приемную Эллингтона, узнавать, просить временный пропуск... о Боже. Что же мне делать. Что, что, что? Можно было бы позвонить, но телефон остался в пиджаке, который я оставила дома.

К счастью, мы доехали живыми и почти здоровыми. Подпрыгивали на каждой кочке, нанюхались выхлопных газов, по неведомой причине поступающих прямо в салон. Таксист уверял, что вибрация, трясущая автомобиль – целебная и с машиной все в порядке. Только я от такой целебной вибрации побледнела и желудок обещал с минуты на минуту вывалить все содержимое, которое в нем болталось, благо, болталось там немного. Сунув таксисту деньги, я выпала из машины прямо в лужу на асфальте, куда меня и вытошнило. Боже мой... Наконец этот ад закончился. Но я стояла на четвереньках в грязи и безостановочно блевала. Какой кошмар, прямо на глазах десятка людей и все проходили мимо, бросая брезгливые взгляды. Словно я какая-то алкоголичка, перебравшая и опозорившая себя прилюдно. Когда в поле моего зрения оказалась рука в белой рубашке, агатово-черном пиджаке с сапфировой запонкой в серебре (подарила на его день рождения), это был конец. Я не могла быть более уничтоженной, раздавленной или униженной, чем сейчас. Это не может быть правдой.

– Амелия, возьми мою руку.

– Я не могу, я вся в грязи, – едва слышно прошептала я.

– Возьми. Мою. Руку, – спокойно, но крайне властно приказал он. Такой его тон я не могла ослушаться. Никогда. Еще ни разу.

Страхнув, насколько это было возможно, с руки грязь, я робко вложила ее в чистую, сильную руку мистера Эллингтона, который одним движением поставил меня на ноги.

– Где твой пиджак? – спокойно, но с недовольством в голосе спросил он.

– Дома забыла, – я опустила глаза, как провинившаяся школьница. Стояла вся в грязи в собственной блевотине рядом с элегантно одетым, сияющим чистотой, вкусом и силой мужчиной. Прохожие окидывали нас недоуменными взглядами.

Когда мистер Эллингтон начал расстегивать пуговицы на пиджаке, я не сообразила, что он собирается сделать. И даже после того, как на мои плечи легла теплая ткань, вкусно пахнущая парфюмом и чистотой, я не в полной мере понимала, что произошло. Перечить и возмущаться не решилась, к тому же, данному жесту совершенно не придали значения, ведь мистер Эллингтон уже не без презрения рассматривал мой транспорт.

– Ты приехала на этом?

Едва не рыдая, кивнула головой, пока руководитель Тринити стирал с моей щеки льняным платочком содержимое моего желудка.

– Завтракала?

Слезы все-таки скатились по лицу, создав столпотворение на кончике подбородка. Я отрицательно помотала головой и впервые услышала рассерженный голос руководителя.

– Амелия, ты должна питаться, ты угробишь себя!

– Но я не успела, у вас же встреча с немцами...

– Я перенес ее на полчаса, знал, что ты приедешь. Но нет ничего важнее здоровья, поняла?

Смахнув рукой слезы и разглядывая лужу, я шмыгнула носом.

– Посмотри на меня.

Господи, ну как я могу посмотреть на него? Вчера мы почти занимались сексом на водительском сиденье его машины, а сегодня он стирает с моей щеки блевотину... Что же дальше ждет? Как я могу посмотреть в его прекрасные, чистые, добрые глаза. Как.

– Амелия.

– Я... не могу... – едва слышно. – Мне стыдно.

Теплые пальцы властно подняли и развернули мою голову. Я закрыла глаза. Нет. Не могу. Не. Мо. Гу. Мне стыдно!

– Открой глаза, иначе я тебя поцелую.

Внизу живота больно кольнуло, и я мгновенно распахнула глаза.

– После всего, что случилось? – выдержать его взгляд не смогла и отвела глаза, хотя это было так сложно, когда две карих звезды манили своим светом.

– А что случилось? – его мягкий спокойный голос обволакивал, баюкал, успокаивал. Что он нашел во мне? Почему так разительно переменялся?

– Меня только что вырвало прямо в лужу, в которой я лежала...

– Это от плохого питания и ужасного транспорта. Я назначу тебе водителя.

– Мистер Эллингтон! – я гневно посмотрела в его глаза, в которых тут же зажглись веселые искорки, но лицо оставалось неумолимо серьезным.

– Вот ты и посмотрела на меня.

– Вы манипулятор! – с поддельным возмущением воскликнула я, внутренне бесконечно восхищаясь этим мужчиной.

– Завтра в девять за тобой заедет машина. И чтобы из того, что я прислал, ничего не осталось.

– Цветы мне тоже съесть или их можно оставить? – жалобно протянула я, кутаясь в пиджак и удостоившись его мимолетной теплой улыбки.

– Цветы можно оставить, Амелия, – он провел ладонью по моей щеке и высвободил мою губу, которую я ненароком кусала. – Красивая блузка, – ладонь мужчины скользнула до линии декольте и замерла. Мы любовались друг другом, словно в мире больше никого не существовало, словно время остановилось, но вскоре он мягко взял из моих рук папку и, не прощаясь, направился в сторону здания.

– Значит ли это, что мое увольнение не принимается? – крикнула я вдогонку.

– Значит ли это, спасибо, мистер Эллингтон? – он даже не повернулся, но я чувствовала, как он улыбается, ведь сама стояла с растянутой от уха до уха улыбкой. Вся в грязи и блевотине.

– Вы позволите, Мисс Уэйнрайт?

Я чуть не подпрыгнула от неожиданности. Сегодня день – напугай Амелию.

– Вы кто, простите?

– Я Бернард, ваш личный водитель. Мистер Эллингтон приказал отвезти вас до дома, – Бернард открыл передо мной двери черного, в противоположность мне – чистого и элегантного Майбаха.

– Это шутка такая? – даже не шелохнулась, прикрыв вырез на блузке пиджаком.

– Я бы не посмел, мисс Уэйнрайт.

– На этом? – судя по тому, что дверца автомобиля все еще была открыта, а Бернард терпеливо ждал, когда я соизволю сесть, никакой ошибки не было.

Когда он только успел? Позволив усадить себя в шикарную машину, я в полном недоумении направилась домой, наслаждаясь теплом и комфортом.

На пороге дома меня сразу же встретила Одри. От орлиного глаза журналистки не ускользнула столь разительная перемена средства моего передвижения и новинки гардероба.

– Уехала на корыте с хачом, а вернулась на Майбахе с личным водителем-интеллигентом, да еще и в мужском пиджаке! Ты ему отсосала что ли?

– Кому? – что греха таить, я была слегка тугодумная в бытовых делах.

– Пресса довольна подтверждением факта – сосала. Кому – уже не важно, – Одри расхохоталась.

– Перестань, Одри, – я скинула шпильки и направилась на кухню, с единственным желанием – съесть все роллы с омлетом и сыром, а потом приняться за те, где есть лосось! И чтобы побольше соевого соуса. Нехотя простилась с пиджаком, бережно повесив его на спинку стула.

– Ты, мать, по каким кустам шаталась, вся в грязи. И, боже упаси, что это на тебе еще? – действительно, стоило бы сперва переодеться.

– Лучше не спрашивай, меня вырвало разве что не на новые лакированные туфли Генри, – я сняла с себя топик и кинула его в корзину с грязным бельем. Туда же отправились и брюки.

– А пиджак принадлежит твоему Боссу? – наблюдая за тем, как я переодеваюсь, подруга не переставала играть бровями и делать недвусмысленные подмигивания.

– Ну, свой-то я забыла, – попыталась оправдаться.

– О, тогда да, действительно. Пиджаков мистера Эллингтона хватит на хрупкие плечики всех женщин Тринити, которые оставили дома свои пиджачки в холодную погоду, – она откровенно смеялась надо мной.

– Прекрати, иначе чем-нибудь в тебя запущу! – облачившись в домашний халат, я взобралась на барный стул.

– Знаешь, – присаживаясь рядом и берясь за палочки, увлеченно начала Одри. – Ты мне представляешься весьма любопытным персонажем для комического романа. Нет, я серьезно, – заметив недовольство на моей физиономии, она принялась убеждать меня в том, в чем безрезультатно пытается убедить уже лет пять. – Мы можем заработать большие деньги, если ты позволишь мне описывать твою жизнь. Я могу поменять имена, поменять название фирмы, например Антуан и Клара – современная история Золушки! – она мечтательно взмахнула палочками, словно они могли быть волшебными.

– Клара? – я чуть не подавилась лососем.

– Отлично, мне нравится твой энтузиазм! – подхватила подруга. – Давай поработаем с именами. Можешь выбрать сама. Жозефина, Кира, Ариэль. К его имени претензий нет?

– Стоп-стоп-стоп! – я осадил пыл подруги. Журналист из нее преотменный. Как вцепится мертвой хваткой, так отцепиться уже практически не реально и, несмотря на то, что согласишься ты ни на что не давала, полдела уже сделано. – Но я не соглашалась на эту авантюру! Одри, я не позволю, чтобы о моей личной жизни половина страны узнала. А вторая половина – начала догадываться. С твоим талантом и энтузиазмом раскрутить роман – дело времени. И ты, правда, думаешь, что он не поймет, о ком написано? Много ли у тебя друзей перед миллионом ног раздвинуть желает?

– Ну, с десятков наберется, – хмыкнула она, наслаждаясь роллом. – Ты лучше спроси, кто не желает раздвинуть ноги перед таким красавчиком, как твой Босс. Ну, кроме меня, конечно, он совершенно не мой типаж. Хотя солидный кошелек, не спорю, повышает его привлекательность даже в моих очень скрупулезных и придирчивых глазах.

– Ох, подруга, – я тягостно вздохнула и отложила палочки. Есть расхотелось совершенно. Все мысли были заняты только одним – поскорее оказаться рядом с ним. Но что я скажу? Что сделаю? И главный вопрос – на что я надеюсь? На мимолетный роман, чтобы он выкинул меня, как только я ему надоем? На длительные отношения? Что-то сомневаюсь, что Генри Эллингтон способен на такие. Все знают, что в его жизни была лишь одна женщина – Шарлин. Но что случилось, почему не состоялась свадьба и где она теперь – никому не известно. Может, застукал с любовником, оприходовал и прикопал под каким-нибудь кустом, вот о ней никто и не слышал уже десять лет? А теперь совесть не позволяет завести новые отношения. Господи, ну и бред мне в голову лезет. Видимо я действительно начинаю сходить с ума! Но у него точно есть какая-то тайна. Почему я должна была пожалеть, если бы мы сделали то, чего оба страстно желали, тогда, в его машине? Почему с ним слишком опасно? На худой конец, от потери девственности еще никто не умирал.

– Ну, так что, Амелия? – подруга пристально на меня глядела, явно ожидая ответа на какой-то очень важный вопрос.

– Думаю, он ее не убивал, – серьезно протянула я. – Но точно что-то скрывает.

– Кого? Кто? Итан?

– Шарлин. Куда она исчезла? Ведь они к свадьбе готовились.

– Бог ты мой, – подруга встрепенулась и побежала за телефоном. – Если тебя так волнует этот вопрос, я сейчас сделаю пару звонков, и через несколько дней перед тобой будет полное досье этой самой Шарлин.

Она уже начала набирать номер, но я выхватила телефон и сбросила звонок. Ну что я делаю? Глупая влюбленная дуручка. Прекрати вести себя как настоящая идиотка! Ты уже взрослая и должна учиться на собственных ошибках.

– Нет, не нужно, прошу. Он обо всем узнает, а я не хочу ничего портить... И есть ли вообще что-то между нами? Я не знаю, Одри. Мне не по себе.

– Пиджак на плечах – это уже определенно то самое «что-то», – убедительно заявила подруга. – Знаешь, пожалуй, оставлю тебе содержимое этой коробки. Чувствую, сегодня нас ожидает вечер рыданий-обжираний за просмотром очередной мелодрамы. Что ж, более занятных планов у меня все равно нет, так что, спасибо, что пригласила.

Подметив отсутствие у меня аппетита, она заботливо переложила наш недельный запас провианта в холодильник и удалилась в свою комнату, оставив меня наедине со своими мыслями. Кажется, самое время принять душ и смыть с себя остатки грязи и рвотных подвигів. И было бы неплохо пораньше добраться до института, атмосфера которого меня всегда успокаивала. Посижу в библиотеке, полистаю конспекты, освежу в памяти последний раз ненужные формулы, определения и даты. У меня не было паники или переживаний. Более того, я твердо знала, что сдам мировую экономику на пять, ведь у меня был лучший учитель практик – мистер Эллингтон. Сколько аналитических справок по состоянию экономики Европы и Америки я подготовила по его заданию. Больше половины были ему не нужны, такое ощущение, что он просто готовил меня... для чего? Зачем ему это нужно? Не знаю... просто он необычный человек. Его отношение к подчиненным восхищает. Никто никогда не видел, чтобы он кричал на кого-то или срывался. Если подчиненные подводили его, то не дожидались увольнения. Все прекрасно знали о негласном правиле. Ты либо работаешь и работаешь успешно, либо уходишь, если не справляешься. Ты либо растешь, либо ищешь другой путь. И он помогает расти. Всем. Всегда. Его компания занимается научной деятельностью, все работники проходят постоянные курсы повышения квалификации, стажировются у лучших фирм-партнеров за рубежом. Что греха таить, мне бы тоже после получения диплома хотелось перейти из личной помощницы в аналитики, а впоследствии стать партнером и даже старшим партнером. Но такую часть нужно заслужить и первый шаг на этом пути – сдача мировой экономики. Ну что ж, мировая экономика, сдавайся!

Через час я стояла перед зеркалом, довольная результатом. Строгая юбка-карандаш, красная шелковая блузка, поверх которой пиджак, сидящий на мне как влитой. Он сшит персональным портным мистера Эллингтона. «Ты моя личная помощница и должна выглядеть соответственно». На «соответствующий» вид денег у меня не было, потому было решено считать данный костюм рабочей униформой. Но я иногда злоупотребляла, используя эту униформу в особо важных случаях, как, например, сдача экзамена. Черные туфли на высоком удобном каблучке и излюбленный высоко посаженный хвост довершали образ строгой, недоступной и жутко умной мадам.

– Да, – горестно протянула Одри, оглядывая оное безобразие. – Трахнуть такую точно не хочется.

– Что? – я с возмущением обернулась. Подруга протянула мне кружку с кофе.

– Ты посмотри на себя. Ты так ходишь на работу каждый день, удивительно, что у него вообще встал!

Насупив брови, я недоуменно смотрела на подругу, но кофе, тем не менее, взяла, даже не подумав поблагодарить. Варить кофе – второй после владения словом талант моей подруги, а чашечка ароматного напитка – одна из моих самых больших слабостей. Так что обжигающий

кофе по утрам – это наша маленькая традиция. Во рту защекотало терпкое тепло, разливаясь пряной ноткой корицы и одарив мягкостью ванили.

– Я к тому, – подруга развернула меня лицом к зеркалу и мы смотрели в него обе, – что ты выглядишь идеально... для того, чтобы преподавать математику в школе или работать библиотечаршей. Никому не хочется трахнуть свою математичку, застегнутую на все пуговицы и вылизанную так стерильно, что притронуться страшно.

– То есть ты предлагаешь мне нарядиться шалавой? – возмутилась я.

– Я предлагаю, – интригуяще начала подруга, расстегнув две пуговицы на моей блузке, – добавить небольшую изюминку, – из зализанного хвоста на лицо спустилась мягкая каштановая прядка. – Мужчины не любят слишком доступных. Но и застегнутые на все пуговицы их не манят. Нужна золотая середина. Используй блеск для губ и обрати внимание на то, как ты пахнешь.

– А как я пахну? – рефлекторно понюхала себя подмышкой, но после тщательного душа пахла я неплохо – ничем.

– Никак. Аромат «ничего» – твой вечный спутник. Ты должна оставлять за собой едва уловимый шлейф мягкого и нежного аромата, который будет интриговать, который возвестит о твоём присутствии еще до появления, и заставит вспоминать тебя после ухода...

– Ага, то есть ты хочешь превратить меня в размалеванную вонючую шалаву?

– Тьфу на тебя, неблагодарная! – притворно обиделась Одри, брызнув на меня духами и протягивая блеск. – Нанесешь после того, как кофе выпьешь. Не хочу кружку оттирать потом. А мне надо статью закончить.

Я сделала еще один большой глоток и посмотрела в зеркало. А ведь Одри права. Может быть это и есть ответ на вопрос – почему. Почему он не закончил то, что начал. Я подхожу к работе очень, очень ответственно. Меня смело можно вешать на доску «сотрудник года». Собственно, все пять лет, что я тружусь на должности помощника мистера Эллингтона, я на этой доске и красуюсь. И все пять лет в неизменных строгих костюмах, которые год от года все дороже, но обязательно строгие. Плюс зачесанный наверх хвост, отсутствие косметики... Мне впервые захотелось стать женственной.

– Одри! – восторженно крикнула я.

– М? – из соседней комнаты донеслось невнятное мычание, возвещавшее о том, что субъект, его издавший жутко занят, но внимает в пол уха.

– Мы сегодня идем в клуб!

В соседней комнате что-то с грохотом упало.

– Ты там в порядке? – я испугалась и застала подругу, распластанную на полу. – Я же говорила, твоя манера качаться на стуле до добра не доведет!

– Спасибо, мама, – потирая нежное место, девушка трянула золотыми кудряшками. – Сила земного притяжения многократно возросла после твоей последней фразы. Куда мы идем сегодня? В клуб любителей книг?

– Нет. В самый настоящий клуб. Танцевальный! И ты будешь учить меня быть женственной.

Подруга подавила желание приложить руку к моему лбу, чтобы убедиться, не заболела ли я часом. Но я была здорова как никогда. И не могла дожидаться вечера, чтобы попрактиковаться. Да. Я хочу стать его новой Шарлин. Даже лучше, чем она была. Все знают, что француженки умеют очаровывать мужчин. А кого могу очаровать я? Профессора региональной экономики, который подкатывал ко мне свои семидесятилетние яйца, или ботаника с физикоматематического факультета, у которого встает каждый раз, когда мы встречаемся в библиотеке, и он видит в моих руках учебники по менеджменту и международным инвестициям? Не хочу выглядеть глупо и нелепо, поэтому найдем каких-нибудь субъектов в клубе и проведем на них испытания моих пока отсутствующих чар. Благо у Одри они присутствовали в избытке,

и научить меня подруга всегда была готова чему угодно. Между нами не было границ и конкуренции. Никогда.

* * *

Три листа, исписанных мелким почерком, легли на стол преподавателя. Я сложила руки в замок, и открыла было рот, но говорить не пришлось.

– Мисс Уэйнрайт, – вкрадчиво начала декан нашего факультета и профессор международной экономики.

– У меня проблемы, Миссис Лакинбери?

– Я пока не знаю, – тон женщины заставлял волноваться. – Насколько мне известно, вы с первого курса трудитесь в фирме Тринити, которую возглавляет всем известный мистер Эллингтон.

При упоминании его имени мои щеки вспыхнули, что не ускользнуло от пристального взора декана, которая вздернула бровь. Она с сожалением хмыкнула и, пробежавшись по моим записям, решительно отложила их в сторону и сняла очки.

– Да. Все верно.

– Вы думали о своем будущем? – синие глаза впились в мою душу, словно она знала что-то, чего не знала я.

– Конечно, – рассеянно и неуверенно.

– Я так и думала. Как долго вы планируете проработать на должности личной помощницы?

– Смею надеяться, что после получения диплома смогу пройти испытания в Тринити и занять должность младшего аналитика, – из моих уст это звучало как-то жалко.

– Младшего аналитика, – снова задумчиво повторила она. – Думаете, почему он не сделал вас младшим аналитиком раньше? Многие с вашего потока трудятся на аналогичной должности уже с третьего курса.

– Но не в крупных международных фирмах, – неуверенно возразила я.

– Туше. Но вы не ответили на вопрос.

– Потому что я не готова? – неуверенно.

– Чепуха, – решительно отрезала Миссис Лакинбери. – Вам прекрасно известно, что вы лучшая со всего потока. Да что говорить, вы лучшая за последние пять лет выпускница нашего университета. При ваших знаниях, при определенном усердии и практике через год-другой из вас может выйти старший финансовый аналитик, а через пять лет – полноценный партнер крупной фирмы. С вашими успехами можно спокойно организовать собственную, которая составит конкуренцию даже Тринити.

– При всем уважении, я не понимаю, к чему вы клоните.

– К тому, девочка, что нужно хорошо задуматься о своем будущем. Оставшись при Эллингтоне, ты добьешься только должности аналитика. И то через семь-десять лет. Если он тебя до нее вообще допустит. Он не терпит конкуренции. Ни в чем. Именно поэтому ты все еще обычная секретарша.

– Но я личный помощник, – снова неуверенное возражение. Мне не нравилась тема разговора. Еще больше мне не нравился тон декана.

– Да, я понимаю, – сарказм не ускользнул от моего слуха, а взор декана упал на расстегнутые пуговицы блузки. Черт бы тебя побрал Одри! Теперь обо мне подумают невеста что. А ведь еще и повода для этого толком нет! – Я подготовила список фирм, которые уже сегодня готовы принять тебя на должность аналитика по моей рекомендации. Не помощника, не младшего сотрудника, а полноценного аналитика. Справа – гонорар, который они предлагают.

Передо мной лег листок с названием десяти крупнейших фирм страны, часть из которых составляли прямую конкуренцию Тринити. Что сказать, сумма гонорара в два раза выше,

чем я получаю сейчас и работа моей мечты. Но именно мои мечты тесно связаны с Тринити и не хотелось вставлять нож в спину мистера Эллингтона, который столько для меня сделал.

– Не принимай решение прямо сейчас. Получишь диплом, съезди, обсуди со всеми условия, посмотри, где тебе больше понравится. Я не могу допустить, чтобы одна из лучших выпускниц нашего университета бездарно прожгла свою карьеру, понимаешь? И дело не только в твоей репутации, но и в моей тоже, и в репутации нашего учебного заведения.

– А чем плоха Тринити? Мистер Эллингтон отличный руководитель и наставник. Мои успехи по международной экономике во многом и его заслуга.

– Тринити тебе полностью подходит. Но ты не подходишь ей, пока ее возглавляет твой начальник. С ним у тебя не будет будущего. Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

Она заполнила мою зачетку, захлопнула ее и передала мне, вновь надевая очки и обращаясь к аудитории, всем видом давая понять, что на этом наш разговор окончен. Совершенно сбита с толку, я взяла листок, зачетку и вышла из аудитории.

– Тебя изнасиловали?

Я даже вздрогнула от неожиданности и не сразу поняла, что передо мной стоит Итан, закадычный друг с первого курса. Высокий, стройный юноша с золотыми как у Одри волосами, которые слегка вьются и глубокими темно-синими от природы глазами. Очень редкий цвет. В черном смокинге и белоснежной рубашке он выглядел как дворецкий или дирижер. Не хватало только бабочки.

– Да нет. Она не покушалась на мою честь, – растерянно протянула я. – Хотя очень похоже. Ты что, снял этот фрак с убитого дирижера?

– Увы, в прокате было только это, – юноша театрально взмахнул фалдами, болтающимися сзади, и сделал пару танцевальных движений. Он танцевал брейк и в его гардеробе отродясь не водились деловые костюмы. Связать свою жизнь с экономикой и работой на больших боссов он никогда не мечтал, открыв свою танцевальную школу и построив успешное дело уже на третьем курсе. Он был преподавателем, участником различных конкурсов и имел свою танцевальную команду. А учеба – прихоть его родителей. Мне нравилось ходить на выступления Итана и поддерживать его, хотя я сама особой пластикой не отличалась и с танцами не дружила. Хм... а что, мне бы не помешало несколько улучшить свою гибкость, чтобы стать более женственной и привлекательной. И пусть уличные танцы не самый, казалось бы, женственный вариант, но Итан превосходно владеет своим телом, чем я похвастаться не могла. Зажатая и неуклюжая скорее, чем раскованная и грациозная.

Сама того не замечая, я глазела на грудь юноши, что выглядело весьма многозначительно.

– Ты сейчас пытаешься испепелить мое сердце взглядом или раздеваешь меня глазами?

– Не мели чушь! – возмутилась я, – просто подумала, может мне стоит посетить пару твоих занятий?

– По танцам? – он вновь сделал несколько движений и я громко рассмеялась. Нет, такое мне точно не осилить. – Отличная идея. Ты слишком зажата, тебе просто необходимо расслабиться.

– Мы с Одри идем сегодня вечером в клуб. Пойдешь с нами? Заодно сможешь показать мне пару па?

– Замечательно. Только сначала, трижды перекрестившись, пойду на поклон к мистеру Герберу, чтобы донести до него содержимое моих извилин по инвестиционной политике запада, о которой я имею весьма смутные представления.

– Не прибедайся, – я дружески пихнула его в бок и чуть ли не вприпрыжку побежала домой, вдохновленная тем, что предстоит вечером. У меня будет полноценный мастер класс по женственности. И мысли о странном разговоре с деканом сразу вылетели из головы. Никто не заставляет меня думать об этом сегодня. В конце концов, захвачу листок с собой на работу,

сделаю пару звонков... любопытства ради. А сейчас – готовиться к покорению новых наук – женственности и обольщения!

Женственность и обольщение должны начинаться с чистоты! Поэтому я решительно игнорировала Одри, которая каждые две минуты заглядывала в ванную, чтобы убедиться, не утопла ли я, не потеряла ли сознание, не разбила ли голову о кафель, не смыла ли себя с лица земли и т. д. и т. п. Наконец, явившись во всей первозданной помытой красе, я отдалась во власть подруги. Сначала мы выбрали подходящее нижнее белье. Оказалось, из того, что имелось в моем распоряжении, несравненно теплого и удобного (а я жуть как не любила женские простуды ниже пояса и циститы) для обольщения подходят только ничего и пояс от шелкового халата. Поэтому пришлось позаимствовать кружевной комплект Одри темно вишневого цвета.

– Какая разница, какое на мне белье? Я же его не поверх одежды буду надевать!

– Бог ты мой, девственница ты моя горемычная! В женщине должно быть все идеально, только тогда ты сможешь чувствовать себя раскрепощенно. Представь себе ситуацию. Вы едете в его машине, – в памяти вспыхнула знакомая картина, – его рука легла тебе на колено, поднимается выше и выше, – да, а потом разрывает пуговицы на блузке... – а там... а там бабушкины рейтузы. И после этого сразу «извини, дело не в тебе, я не могу так с тобой поступить, ведь я джентльмен» и бла бла бла.

Я оторопела.

– Ага. Вижу. Знакомо. Есть еще вопросы, зачем нужно красивое нижнее белье?

– Нет. Что дальше?

– А дальше, моя милая, ароматические крема, чтобы кожа была нежная, бархатистая и источала утонченный аромат иланг-иланга.

– Почему иланг-иланга? – глядя, как Одри роется в своих банках и склянках, заполняющих половину нашего холодильника, уточнила я.

– Потому что он является натуральным афродизиак.

– Кем? – определенно, искусство обольщения пострашнее сопромата будет.

– Помогает поднять то, что не хочет подниматься само. Стой и не дергайся!

Процедура натирания меня кремом длилась недолго, потому что я наотрез отказалась натирать там, где считала подобные вещи неуместными. С горьким вздохом я следила за тем, как Одри проделывает с собой тоже самое, но, не стесняясь хорошенько намазать себе все подряд. Неужели необходимо прикладывать столько стараний, чтобы очаровать того, кто тебе нравится? Почему нельзя покорить мужчину своей истинной натурой, лишенной всех этих запахов, кружев и намеков из-под приспущенных ресниц? Теперь я не удивлена, что большинство секретарш партнеров мистера Эллингтона постоянно опаздывают. Судя по их внешнему виду, собираться на работу они начинают еще с вечера.

Поиск подходящего платья чуть не сорвал семинар по азам обольщения. Оказалось, из того, что у меня имеется, для данной цели годились только черные обтягивающие брюки и тот шифоновый синий топ, познакомивший моего босса с очертаниями моих грудей. Но, увы, он был слегка в непотребном виде после утренних злоключений, а потому для обольщения категорически не подходил. Снова пришлось обратиться к гардеробу Одри. По счастью, у нас с подругой один размер. Всего, кроме груди. Поэтому она наотрез отказывалась помещаться в низкое декольте черного обтягивающего платья.

– Одри, я это не надену. Я выгляжу как дешевая шлюха! – возмутилась я.

– Не мели чепуху. Ты выглядишь потрясающе! Я даже готова подарить тебе это платье, твоя грудь создана для него. Или оно создано для твоей груди. В общем, они идеально дополняют друг друга.

– Но я не хочу, чтобы все пялились на мои выпуклости!

– Тогда сделай операцию и отрежь их. Природа наградила нас для привлечения мужчин! Твой бюст – твоё оружие и есть грань между пошлостью и эротикой. То, что на тебе сей-

час надето, выглядит эротично. Выглядывающее нижнее белье – пошлость. Слегка возвышающаяся над вырезом аккуратная грудь – эротично. Торчащие из-под юбки трусы – это пошло. Изящная ткань, идеально обтягивающая формы даже ниже, чем дозволено рамками приличия – эротично.

Да, действительно. Коротким это платье назвать нельзя. Подол чуть выше колен, но разрез сзади, по моему мнению, поднимался слишком высоко. К тому же, мне было бы комфортнее, если бы руки были прикрыты рукавами. Но, увы, лишь две толстых лямки, обрамляющих грудь спереди и переходящие в углубленный вырез на спине. Но стоит отдать должное, выглядело эффектно и непривычно.

– Только не говори, что теперь очередь кудрей и красной помады.

– А ты учишься на ходу! – искренне удивилась подруга. – Распустим твой вечный хвост. У тебя шикарные, густые и блестящие волосы. Их стоит лишь слегка завить и пусть каскадом опускаются на плечи, а кончики едва касаются груди. С одной стороны я заколю их заколкой, чтобы оголить шею, – подруга от восторга чуть не пищала. Она любила наряжать других, словно в детстве не наигралась с куклами и теперь имела возможность компенсировать это с живым человеком. Все праздники и торжественные мероприятия повторялось одно и то же. Я превращалась в эльфийскую, диснеевскую, восточную и иже с ними принцессу. Неизменным оставалось одно – невинность и легкость образа. Сегодня же Одри, как и я, осваивала новые горизонты.

Через час я была готова. Но из зеркала на меня глядел незнакомый человек. Глаза слегка подведены карандашом кошачьими стрелками, тушь и красная помада. Волосы завиты и волнами падают на грудь, с одной стороны заколоты цветком с вкраплением красных камушков, оголяют шею и демонстрируют аккуратную сережку из граната и серебра. Все, как и обещала подруга. Между грудей покоится небольшой гранатовый кулон в серебре, на руке – изящный гранатовый браслет, а на ногах шпильки. Ух. Теперь бы не ударить в грязь лицом с таким видом, а то не солидно будет. При чем, про не ударить в грязь – это в прямом смысле. На таких головкружительных каблуках не то, что танцевать, ходить сложно. Но подруга пояснила, что они удлиняют линию щиколотки, делают мою филейную часть более упругой и что-то там еще. Не запомнила.

Выглядела я не хуже, чем секретарши партнеров мистера Эллингтона на званых вечерах, хотя на них были не гранаты в серебре, а бриллианты в золоте, подаренные их же боссами, судя по всему, за великолепно приготовленный кофе. Но мне не было до этого дела. Я не люблю роскошь и всегда предпочитаю ей сдержанное изящество.

Одри собралась очень быстро и выглядела сногшибательно. Она надела красное шифоновое платье, стянутое на талии поясом, а к коленям расходящееся легкомысленными волнами, красные атласные босоножки, шикарные золотые кудри забраны наверх и перевязаны шелковым платком. Подруга предпочла украсить себя красными кристаллами Swarovski, которые искрились на свету красными слезинками в ее ушах. Выглядела она потрясающе, но несколько легкомысленно, что придавало шарма, но не делало развратной или доступной. Действительно, подруге удастся соблюсти эту хрупкую грань между женственностью, красотой и пошлостью.

– Что ж. Карета подана. Золушки готовы – прошу на выход, – скомандовала Одри, и мы помчались под свет вечерних огней на противоположный конец города, где располагался элитный ночной клуб «Флеш». Мы были там несколько раз с мистером Эллингтоном на деловой встрече с американцами, которые по какой-то причине очень облюбовали это место и голландцами, ценившими его исключительно за доступность девушек, танцующих на шесте, поэтому у меня была клубная карта, и доступ нам с друзьями гарантирован.

Итан ждал у входа, тусуясь в толпе и успев познакомиться с ребятами, оказавшимися тоже уличными танцорами. Чтобы занять себя во время ожидания дам, они устроили на улице импровизированный баттл. Итан выглядел как всегда: раскрепощенно и брутально. Обтягива-

ющая белая майка, поверх которой накинута рубашка в клетку с коротким рукавом, широкие джинсы и кеды. Он не был репером и не носил цепей и широких кепок, но выглядел отвязно, однако при этом гармонично. Заметив нас, Итан замер и долго не мог прийти в себя.

– Можешь уже закрыть рот, – Одри томно моргнула и пальчиком с изящным маникюром помогла юноше это сделать.

– Если Одри я еще могу кое-как распознать, ты всегда выглядишь сногшибательно, – подруга зарделась, – то Амелия... ух. Не думал, что у тебя такие... такие... – он изображал руками мою грудь, не в силах отвести от нее взгляд, но не знал, какое бы слово подобрать.

– Красивые украшения? – не сразу поняла я. – Это подарок моей мамы.

– Да. В общем, твои родители постарались на славу, – он с облегчением выдохнул, и лишь после этого до меня дошло, что он имел в виду.

– Заливаться краской, когда тебе делают комплимент, совсем не нужно, – поправила Одри. – Ты должна улыбнуться и поблагодарить.

– За то, что он на мои буфера пялился? – возмутилась я. – Эй, ты чего на мои буфера пялился?

– Сложно на них не пялиться, – извиняясь, развел руками Итан. – Они прекрасны. Как и ты сегодня.

В его словах не было ни капли пошлости или фальши и мне стало даже приятно. Необычное ощущение. Раньше никто не пялился на мою грудь, поднимающую ткань строгого пиджака. Возможно, о ее существовании даже не догадывались. А сегодня она – главное украшение моего образа. Я сделала, как советовала Одри. Улыбнулась, поблагодарила и взяла Итана под руку.

В клуб нас пропустили сразу же, как только увидели клубную карту. Однако один из охранников разве что глаза в моем декольте не оставил. Нет, все же вырез, по моему мнению, глубоковат. Или просто я не привыкла к вниманию мужчин. Не знаю. Но если Итан и Одри говорят, что все в порядке, значит, так оно и есть. Я полностью доверяю мнению друзей. Необходимо привыкать к новому амплуа. Расправила плечи, подняла подбородок – я готова!

Мы заняли столик в углу у стены и заказали по легкому коктейлю. Мне нравится Пина Колада, потому я с удовольствием потягивала кокосовый напиток, неуклюже двигая плечами в такт громко бухающей музыке. Одри просканировала взглядом толпу и, присев на диванчик рядом со мной, начала доклад, выкрикивая мне прямо в ухо.

– Смотри. Зона у барной стойки справа – это холостяки. Они приходят сюда, чтобы познакомиться с девушками, поэтому вариант беспроектный. Знакомиться на танцполе не советую, после танца тебя сразу же потащат в туалет. Если ты против быстрого перепахивания с незнакомцем в грязном сортире – это не твой вариант, – я поморщилась и сделала большой глоток для храбрости. Вот уж чего мне точно не надо, так это беспорядочных половых отношений в туалете. – А вот те, кто сидят за столиками и хищно оглядывают толпу – это лакомые кусочки. Такие одиночные охотники выбирают себе жертву не на один день, а на неделю или даже месяц. Если повезет, можно стать их любовницей, – я снова поморщилась. Сомнительное какое-то везение. – Да, в большинстве своем они все женаты, – подтвердила мои опасения Одри. – Но мы же не в церкви. Я бы посоветовала тебе сначала осмотреться, немного потанцевать, чтобы на тебя обратили внимание, а потом подойти к барной стойке и побеседовать вон с тем молодым красавчиком шатеном.

– О да. Если я пойду танцевать, на меня точно обратят внимание, – усмехнулась я, но последовала совету подруги и вцепилась взглядом в зал, попивая коктейль. Итан уже завладел танцполом и собрал вокруг себя толпу девушек, Одри убежала поздороваться со знакомыми, а я начала думать, что поход в клуб не такая уж и хорошая идея и заказала второй коктейль. На этот раз с ананасом и текилой. Музыка низким басом ударяла по барабанным перепонкам, которые неприятно вибрировали, как и кожаный диван, на котором я сидела.

После двух бокалов стало немного веселей, но я так и не решилась подняться. В мелькающих разноцветных вспышках софитов я даже нашла что-то чарующее. Но это место с запахом притона претило моей сущности, и я чувствовала себя как монашка, попавшая в публичный дом на день открытых дверей. Неуютно, неловко, глупо. А когда заметила на противоположной стороне зала, возле девушек, извивающихся на шесте, знакомую фигуру, так и вовсе пожелала провалиться сквозь землю. Увы. В реальной жизни так не бывает. Но случайны ли совпадения или все в нашей жизни происходит по воле судьбы, а мы, считающие себя самодостаточными личностями, всего лишь на всего куклы марионетки в ее руках?

Это был он. Мистер Эллингтон. Невозмутимо прекрасный, с бокалом его любимого бренди. Я беспокожно ахнула. На черной шелковой рубашке с расстегнутым воротом плясали разноцветные огни светомузыки, волосы легкими кудрями обрамляющие голову не соблюдали строгую прическу, а черные брюки идеально обтягивали сильные стройные ноги. Передо мной Аполлон во всей красе, к которому так и хочется прильнуть всем телом.

Меня всегда поражала классическая красота этого мужчины. Не слащавая, которой сейчас восторгаются девочки-подростки, а настоящая, мужественная красота, прекрасная в своих изысках. Длинный прямой нос, узкая линия губ, которые всегда плотно сжаты, словно хранят тайну, глаза, все время уставшие, с россыпью морщинок по уголкам. Но если приглядеться, в его удивительных глазах цвета бренди стальные искорки, от чего при дневном свете они порой кажутся цвета грозового неба. А сейчас, в темноте клуба, хранят порочную тайну за бездонной чернотой. Возле правой брови едва различимый шрам, вроде от неудачной игры в футбол в детстве. Я хорошо знала его лицо. Слишком хорошо, любуясь им почти пять лет из-за стеклянной стенки офиса. И этот прекрасный мужчина, несомненно, достойный восторга, оставил свои прекрасные глаза на длинноногой блондинке, которая без зазрения совести трясла полуголой жопой перед его лицом, извиваясь на шесте как змея. Все бы ничего, да только ему, судя по всему, зрелище доставляло удовольствие.

Покривившись, я осушила бокал с третьим коктейлем и изрядно захмелела. Что ж. Пора ускорить курсы оболванивания. Стук баса о черепную коробку, психоделическое воздействие моргающего света и головокружение от алкоголя почти дезориентировали меня. Неуверенной походкой, за что стоит благодарить каблуки и алкоголь, но старательно при этом покачивая бедрами, я направилась к барной стойке, расположенной в зоне видимости мистера Эллингтона. Я была уверена, что от его чуткого внимания не ускользнет такая маленькая деталь, как мое появление в его поле зрения. Особенно, после нашей последней встречи.

– Водку со льдом, пожалуйста, – я удивилась, как непривычно звучит мой захмелевший голос. Никогда прежде не пьянела, для меня это было в диковинку. Я положила на столик деньги и подмигнула бармену. Хотела кокетливо, но, судя по лицу парня, вышло пошло и неуместно. – Три стопки.

В зоне барной стойки музыка не оглушала, и мое захмелевшее восприятие получило небольшую передышку. Красавчик, с которым мне посоветовала познакомиться Одри, легкомысленно улыбнулся.

– Не многовато будет?

– А я поделюсь, – задорно подмигнула я. Нет, кажется, с подмигиванием пора завязывать. Мужчин от него кривит. Да и с «поделюсь» как-то многозначительно вышло. Еще подумает, что я какая-то алкоголичка, которая спаивает всех подряд. – С друзьями, разумеется. Не с вами.

Господи. Большей глупости и представить сложно! Бармен забрал деньги и протянул мне три рюмки. Взгляд упал на босса. Дыхание сперло, как от удара под дых. Наши глаза встретились и мир, казалось, остановился. Треск музыки вовсе стих, свет перестал атаковать фосфоресцирующими переливами, люди вокруг исчезли, и только биение сердца, которое оглушающе ударяло в голову и стальной взгляд глаз цвета бренди. Удар. Второй. Третий. Я залпом осушила первую стопку и широко вытаращила глаза. Благо, проглотила раньше, чем пришло

осознание. Первый раз за 23 года я попробовала крепкое спиртное, и опыт мне категорически не понравился. Внутренности обожгло огнем, воздух не врывался в легкие. Пока не передумала и не утратила решимости, я осушила вторую рюмку и зажмурилась, переводя дух. Огненный ком свалился в желудок и, кажется, прожег в нем дыру. Какой кошмар. И как люди это пьют? Такая судьба постигла бы и третью стопку, если бы мою руку не накрыла его мягкая ладонь. Карие глаза прямо рядом с моими. Этот аромат... изысканного парфюма, смешанный с бренди и его запахом, пьянящий больше любого алкоголя. И безумно опасная близость между нами, тягостное напряжение, которое ничем нельзя унять. Мне захотелось рыдать и кричать, но я не могла уронить свое достоинство еще ниже. Хотя, было ли куда ниже?

Он смотрел на меня сначала с восхищением, которое мгновенно сменилось негодованием. Тем не менее, спокойно и тихо произнес:

– Ты прекрасно выглядишь, Амелия.

Наши пальцы переплелись, и внизу живота разлилось жгучее тепло, ноги стали ватными, на ресницах задрожали слезы. Не заметила, что затаила дыхание. Выдохнула. Кончиками пальцев он коснулся моих волос, провел по шее. Я невольно закрыла глаза, когда его ласка стала более требовательной, а рука скользнула к талии и прижала меня к его телу. Мы стояли совсем близко, я ощущала его жар, его желание, его силу и безумное биение наших сердец, громче любой музыки. Едва коснувшись губами моей шеи, он прошептал мне на ухо:

– Что ты делаешь?

Не в силах ни ответить, ни отстраниться от него, я дрожала как при лихорадке. Наконец, собравшись с духом, хотя, скорее во мне не смелость, а алкоголь говорили, я ответила, не ожидая, что мой язык будет так заплетаться:

– Учсь быть женственной и прилькательной! Ик!

Вышло кошмарно и совершенно не женственно. Опыт Одри и моя инициатива полностью провалились.

– У тебя отлично получается, только с алкоголем переборщила. Пьяная женщина не привлекательна, – он отстранился, и меня резко обдало холодом, хотя в клубе стояла невероятная духота, – стакан апельсинового сока со льдом и кофе.

Ледяной апельсиновый сок осадил меня так, словно я его не выпила, а вылила на себя, кофе же окончательно привело в чувство. Ну, неужели я никогда не перестану выставлять себя круглой душой перед ним? Сначала у нас обломался секс из-за моих панталон, потом я блевала в луже на его ботинки, а теперь я в усмерть нажралась и стою перед ним безумно красивая и безумно пьяная. Отличная романтическая история любви. Прямо вторая Шарлин – мечта великолепного мужчины.

Он усадил меня за свой столик, и длинноногая блондинка теперь трясла голой задницей перед нами обоими. Создавалось впечатление, что ей без разницы, перед кем трясти, если за это платят. Больно смотреть, как женщина разменивает свое тело на разрисованные бумажки. Как же достоинство и самоуважение?

– Вам это нравится? – робко начала я, указывая на женщину.

– Не все является таким, как кажется. Пей, – приказал он и молча следил за тем, как я доканчиваю кофе. Как школьница, не выучившая урок, под испытующим взглядом учителя, я сглатывала терпкий эспрессо, постепенно, но очень медленно приобретая ясность мыслей. Слишком крепкий кофе.

– Простите меня, – поморщившись и не глядя ему в глаза, почти прошептала я. Но он услышал. Каким-то неведомым образом он всегда слышит меня.

– Мы, кажется, договаривались о чем-то, – он откинулся на кресле и облокотился на ручку, задумчиво водя пальцем по нижней губе. Мне вдруг остро захотелось ощутить его губы на своей коже, и я выдержала его прямой взгляд, как делала это раньше. Но потом, не удержавшись, уставилась на губы, непроизвольно кусая свои. Чем больше расстояния было между

нами, тем сильнее нас тянуло. Я чувствовала это всей кожей. Такое ощущение не может быть односторонним. Казалось, еще мгновение, и мы словно кошки накинемся друг на друга, рыча и извиваясь, срывая одежду и напрочь игнорируя людей, находившихся вокруг. Его взгляд скользнул по моему декольте и впервые я не испытала стыда и не пожалела, что надела это платье. Впервые я поняла, как это приятно быть притягательной и женственной для мужчины, которого ты... что? Желает? Любишь? Нет. Скорее, уважаешь, восхищаешься... Для которого ты хочешь быть желанной и неотразимой.

– Тебе очень идет это платье.

Я поставила пустую чашку на столик и тоже откинулась на спинку кресла. Я принимаю ваши правила, мистер Эллингтон. Мы молча исследовали друг друга глазами – испытующий карий, с восхищением и интересом, и томный зеленый, в котором стыд смешался с желанием.

– Что ж. На сегодня с тебя достаточно науки. Мой водитель отвезет тебя домой, – он дал знак женщине, которая танцевала перед ним на шесте и та ушла с пьедестала.

– А вы? – какой глупый вопрос. Ведь все итак понятно. Он просто трахнет эту блондинку. Я прекрасно знаю, для какой цели они выставляют напоказ свои прелести – демонстрируют товар. И спокойно отправится домой со своим же водителем, который к этому времени как раз успеет вернуться. Мне стало дурно. И больно.

– У меня дела. Иначе бы я лично проследил, что ты легла в кровать. Одна, – последнее слово он произнес чересчур властно и холодно. Будто имел право говорить мне такие вещи.

– Я бы тоже хотела в этом убедиться, – нахально заявила я, но потом вдруг осознала, что произнесла это вслух. И фраза вышла явно двусмысленная. Но мистер Эллингтон лишь пленительно улыбнулся в ответ. Ненавижу его. Он точно собирается переспать с этой блондинкой. Пора вернуть себе свое достоинство. Я надменно встала, закинув волосы за спину и выпятив грудь, заявила. – Моя постель – не ваше дело, раз уж вы считаете, что находиться в ней со мной куда менее приятно, чем с этой белокурой девушкой сомнительного поведения. С кем хочу... с тем и буду... спать!

Начала я очень бодро. Но закончила уже неуверенно, тая и тушуясь под испытующим взглядом невозмутимо смотрящего на меня снизу вверх мистера Эллингтона. Затем он поднялся. Властно и медленно. Мне захотелось сжаться в маленький комочек. Сглотнула, хлопая глазами – не помогло. Он навис надо мной как скала. Теперь уже я смотрела на него снизу вверх, как мышь, попавшая в капкан, смотрит на притаившегося рядом кота.

– Находиться с тобой в одной постели, Амелия, – его голос стал невообразимо низким и глубоким, настолько эротичным, что внизу живота до боли сжались мышцы, о существовании которых я даже не подозревала, я едва могла дышать, судорожно хватая воздух. – Желание многих мужчин. Но сегодня там может быть только Люсиль, – последняя фраза звучала как приказ.

Приказывать с кем мне спать? И он полагает, что имеет право отдавать подобные приказы? Я гордо вскинула голову, всем видом давая понять, что намерена нарушить это распоряжение и отдаться первому встречному, а потому с вызовом окунулась в омут карих глаз. Суровый холодный блеск сменился восхищением и уже через секунду его губы жадно впились в мои. Это был не невинный поцелуй, это было заявление о праве собственности, он властно и чувственно целовал меня, словно знал, что я принадлежу ему без остатка. Вся. И это подтвердила его ладонь, с жадностью сжавшая мои ягодицы и прижавшая меня к нему всем телом. От страсти и сладкой боли я издала низкий стон и закинула голову, едва найдя в себе силы и гордость, чтобы оттолкнуть его. Нет, не оттолкнуть, просто отстраниться, оставшись в его объятиях, ощущая его всем своим естеством.

– Что это было, мистер Эллингтон? – едва дыша и не понимая, что происходит, прошептала я, прижимаясь к его груди. Тело дышало жаром его страсти.

– Напоминание о том, что бывает, ... когда меня не слушают.

– Вы хотите, чтобы я постоянно вас не слушала или вам так противно мое общество, что поцелуи для вас наказание?

– Просто хочу, чтобы однажды ты узнала, Амелия, что бывает, когда меня слушают, – очень таинственно, с невообразимым блеском в глазах прошептал он и едва коснулся моих губ. Трепетно и нежно, пробежавшись кончиками пальцев по моей шее, одарил ее едва ощутимым поцелуем, от которого по всему телу прошли мурашки, и оставил меня наедине с бесконечным желанием, отстранившись. – Тебе пора домой.

Смысл его слов дошел до меня не сразу.

– Я здесь с друзьями. И уйду вместе с вами. То есть, с ними, – моя оговорка его позабыла. Глупое же стремление к независимости подстегивалось выпитым алкоголем.

Мистер Эллингтон спокойно обвел взглядом зал, задержавшись на Итане, о которого терлись три девицы на танцполе, а потом на Одри, сидящей в обнимку за столиком одного из хищников и самозабвенно с ним флиртующей.

– А впрочем, я что-то очень устала и, пожалуй, воспользуюсь вашим предложением, – постаравшись сделать свой тон как можно более невозмутимым, заявила я. Якобы мое решение никоим образом не связано с тем, что друзьям, мягко говоря, не до меня, и домой они возвращаются сегодня, судя по всему, не собираются.

– Очень разумное решение, мисс Уэйнрайт, – в тон мне ответил мужчина, улыбаясь одними уголками губ.

– Мистер Эллингтон, – я едва кивнула ему и, развернувшись, стараясь не шататься, двинулась к выходу, прекрасно зная, что у дверей клуба меня уже будет ждать машина и искать ее не придется. Меня саму найдут.

Очутившись в салоне автомобиля, где все пахло им, было таким мягким и уютным, я осознала, насколько сильно вымоталась за день, а потому мгновенно провалилась в сон.

Пробуждение оказалось не самым приятным. Вечером я изрядно напилась, и с утра меня разбудил будильник из головной боли, колоколом бьющийся в черепушке. К тому же, какая-то женщина без устали все говорила, говорила и говорила, распахнув шторы и впуская в комнату слишком яркий свет. Он слепил меня не хуже прожектора, хотя я даже не раскрыла глаз. Неужели моя мама так не вовремя решила приехать и провести меня? Впервые в жизни увидит дочь, мучившуюся от похмелья. Чего греха таить, я сама себя такой никогда не видела и не горела желанием увидеть.

– Мам, закрой, пожалуйста, шторы, у меня ужасно болит голова! И прекрати так громко разговаривать...

Воцарилась тишина. Слава тебе Господи. Я только сейчас почувствовала всю мягкость перины, подушки и невесомость теплого пушистого одеяла. Которых у меня отродясь не было. Я спала под обычным ватным. Открывать глаза стало страшно, но я все же рискнула и громко закричала, увидев перед собой лицо абсолютно незнакомой женщины. Испугавшись моего испуга, женщина закричала в ответ и мы, уставившись друг на друга, остановились только тогда, когда поняли всю глупость сложившейся ситуации. Резко сев в чужой постели и на всякий случай, закрывшись белоснежным одеялом чуть ли не с головой (бог знает, есть ли на мне одежда), я требовательно спросила:

– Вы кто и что здесь делаете?

– Боюсь, леди, вынуждена задать вам тот же вопрос.

Только сейчас до меня дошло. Я не дома. Я вообще понятия не имела, где находилась. Вокруг меня незнакомая обстановка. Огромное панорамное окно во всю стену, с распахнутыми бардовыми шторами от потолка до пола, массивный письменный стол рядом с окном, на котором аккуратными стопками сложены бумаги, напротив кровати, в одном стиле со столом, комод для одежды с большим зеркалом, в котором отражалась моя растрепанная физиономия с размазанным по лицу макияжем.

– Боюсь, что слово «леди» мне не очень подходит, – с ужасом почти прошептала я, глядя в зеркало. – Амелия Уэйнрайт. Извините, миссис... – я замялась, не зная, как обратиться к женщине.

– Эллингтон.

Каждый раз, когда мне кажется, что ниже упасть уже невозможно, я с огромным успехом это делаю.

– Эллингтон, – невозмутимо повторила я. – Конечно. Прошу простить мое бесстыдство, но я понятия не имею, что делаю здесь и какое непотребство совершила этой ночью.

– Первый неудачный опыт с алкоголем? – предположила женщина после недолгой паузы, сочувственно глядя на меня.

Я в ответ лишь затравлено подняла на нее взгляд. Те же карие глаза со стальными лучиками, что и у сына. Теперь понятно, в кого. Та же стать... Его мама была очень красивой женщиной. Несмотря на возраст, абсолютно черные смоляные волосы аккуратно убраны в култышку высоко на макушке, в ушах жемчужины, одета в дорогое изящное платье, цвета розового коралла, оттеняющего чуть смуглый оттенок кожи. Дорогая, благородная и очень, очень красивая. Как и ее сын. В этом не было никаких сомнений.

– Вот что мы сделаем, – материнским тоном начала она, присаживаясь на край постели. – Мой сын не притащит в дом кого попало, поэтому мы вас помоем, покормим, а потом будем задавать вопросы, как вам такое предложение?

– Подходит, – жалобно пропищала я, сжимаясь от стыда, но преисполненная благодарности.

– Вот и отлично.

Женщина показала мне, где находится душ, дала полотенце, халат и оставила наедине с его ароматом в его ванной комнате. Господи, голова идет кругом. Что произошло ночью? Ведь я села в машину, и водитель повез меня домой. Он прекрасно знает, где я живу. Как же тогда я очутилась в Его постели? И почему меня разбудила его мама? Где он сам, в конце концов?

Горячий душ с душистым гелем привели меня в чувство. Струи жадно облепили тело, смывая остатки крема, так усердно втираемого в меня Одри, косметику и вчерашний позор, а также запах алкоголя и бог знает чего еще. Я изрядно порозовела и похорошела. Протерев запотевшее от жара зеркало, я в этом окончательно убедилась. Чистое румяное лицо, волосы завились и легли сырыми кудрями на плечи, а главное – никакого макияжа, черными синяками лежавшего под глазами. Искренне надеюсь, что он не застал меня в таком виде.

Где моя одежда – неизвестно. В комнате я ее не нашла, поэтому пришлось облачиться в махровый халат благородного бардового цвета. Судя по размеру, это его халат, потому что мне он был, мягко говоря, великоват. Уж лучше я покажусь за столом в этом, чем в кружевном исподнем, по цвету отлично сочетавшемся с халатом. Одри как знала, уговаривая меня надеть это белье.

Робко приоткрыв дверь из ванной комнаты обратно в спальню, я убедилась, что в последней никого нет и решила оглядеться. Чистая и уютная комната, с огромной и безумно мягкой кроватью. Я с великим трудом подавила желание со всего разбега прыгнуть в бесконечную легкость ее объятий и поспать еще пару часов. Часы, висящие на стене, показывали 7:30. В 9 мне нужно выезжать. Хотя, я не знаю, где нахожусь, и сколько времени займет дорога до офиса.

Обнаружив в верхнем шкафу комода расческу, я прибрала волосы и заплела тугую косу, чтобы, когда высохнут, локоны легли красивыми мягкими кудряшками. Что ж, дольше задерживаться в чужой комнате уже неприлично, а куда идти – я не знала, поэтому робко открыла двери, ведущие в неизвестность. Неизвестность оказалась коридором в самом конце которого брезжил свет. Как мотылек, я повиновалась инстинкту и полетела к нему, шлепая босыми ногами по полу, потому что туфли свои я тоже найти не сумела.

Инстинкт не подвел, и я очутилась в просторной светлой гостиной, в центре которой большой круглый стол из лакированного темного дерева на изящных загнутых ножках. Вокруг стола шесть стульев, обитых дорогой темно-зеленой тканью, над столом винтажная люстра со свечами-лампочками, а на самом столе шикарный букет из роз, точно таких, какие подарил мне мистер Эллингтон. Миссис Эллингтон оторвалась от газеты и, отставив чашку мягко мне улыбнулась. Поразительная выдержка. Поразительная женщина. Как и сам Генри.

– Вы существенно похорошели! Присаживайтесь, сейчас Кэролайн принесет завтрак. Надеюсь, вы не откажетесь от плотного завтрака? Яичница с беконом, йогурт и мюсли, апельсиновый сок и кофе со свежей выпечкой. Генри не любит сытный завтрак, а я всегда говорю ему, что питаться нужно хорошо, иначе можно свалиться с ног без сил!

– Да, он говорит мне тоже самое. Теперь я знаю, чьи это слова.

– Правда? – женщина неподдельно удивилась и долго вглядывалась в мое лицо, словно в центре моего лба вылез третий глаз. Мне даже стало неловко.

– Извините, я чувствую себя не в своей тарелке. Может мне лучше отправиться домой?

– Помыть, накормить, а потом задавать вопросы, – напредила женщина очередность действий и принялась читать газету. В гостиную сквозь арку, ведущую с кухни, вошла немолодая полноватая женщина, видимо та самая Кэролайн и поставила передо мной большую тарелку с двумя жареными яйцами, беконом, плавленым сыром и зеленью. Живот предательски заурчал, предвкусывая праздник. Увидев, с какой жадностью я накинулась уплетать яичницу, миссис Эллингтон вновь отложила газету и уже к ней не возвращалась. – Меня радует ваш аппетит. Он говорит о здоровье и сильном женском начале.

Я чуть не поперхнулась, но вовремя принесли напитки, и апельсиновый сок спас положение. Уж не знаю, какое начало у меня там сильное, но вкусно покушать при случае – это я мастер. Прикончив яичницу, я принялась за кофе с булочкой.

– А вот теперь время задавать вопросы, – тон женщины сменился на деловой, и мне стало слегка не по себе. Пережевала, сглотнула, затравленно посмотрела в ее сторону.

– Боюсь, мне нечего сказать в свое оправдание. Я впервые в жизни переборщила с алкоголем, мистер Эллингтон предложил воспользоваться услугами своего водителя. Я села в машину, а что было дальше... не помню. Как оказалась здесь и где ваш сын, я не знаю.

– Что ж. Женщина попала в беду, а мой милый сын, доброта сердца которого бесконечна, хоть он это и прячет, решил спасти вашу честь и ваше здоровье.

Не буду говорить, что сам он в это время как раз таки губил честь другой женщины, и явно не по доброте своего сердца, а по желанию совершенно другого органа. Виновник разговоров не заставил себя долго ждать и появился в гостиной. Я снова поперхнулась.

– Милая, мы не спешим. Я могу попросить Кэролайн принести вам добавки, – участливо предложила женщина. Мне стало совершенно не по себе. Создаю впечатление, что пью и ем все, что плохо лежит.

– Доброе утро мама, Амелия, – мистер Эллингтон обнял и поцеловал маму и проделал тот же трюк со мной, – великолепно выглядишь. Даже лучше, чем вчера.

Он сел на стул возле меня и, отпив кофе прямо из моей чашки, попросил Кэролайн принести ему завтрак. Его беззаботное поведение мальчишки, а не важного и серьезного босса меня полностью обескуражило и мы с миссис Эллингтон взирали на Генри с одинаковым любопытством.

– Дорогой сын, позволь узнать, где ты был сегодня ночью?

– Я ночевал вне дома, – выражение его лица изменилось, но он быстро взял себя под контроль, чему немало помогла яичница, принесенная его кухаркой.

– Ты был у нее? – голос женщины стал ниже, она явно не хотела обсуждать данный вопрос при мне, но отложить его на потом тоже не могла.

– Да. Надеюсь, что вопрос улажен.

– Хорошо, – бросив на меня короткий взгляд, миссис Эллингтон вернулась к чтению газеты и, не отрываясь от нее, произнесла. – Я познакомилась с твоей подругой. Несмотря на то, что первое впечатление друг на друга мы произвели достаточно громкое, она показалась мне весьма милой девушкой.

– Вы меня щадите, миссис Эллингтон, – залившись краской, заметила я и спряталась в чашке с кофе.

– Мама права. Ты весьма милая девушка, – он окинул меня оценивающим взглядом, как бы убеждаясь, что дал верную оценку. – Весьма.

– А как эта милая девушка оказалась в твоей постели... одна? – мама смерила сына укоризненным взглядом, пущенным поверх газеты. Забавно, ее возмутило, не почему я там оказалась, а почему была там одна. Ее беспокоили плохие манеры сына или то, что незнакомка может что-то украсть или испортить?

– Так получилось, – два омута карих глаз, в которых плясали чертовщинки, неотрывно смотрели на меня. – Не переживай, мама, я вел себя как настоящий джентльмен.

– Оставив даму одну?

– Дама чувствует себя неловко, – робко вставила я. – Если бы кто-нибудь подсказал, где находится моя одежда, я бы, с вашего позволения, оделась и отправилась на работу. Боюсь, что я уже итак злоупотребила вашим гостеприимством.

Мистер и миссис Эллингтон как два коршуна уставились на меня. Один возмущенно и непонимающе, другой с холодной интригой в глазах.

– В том, в чем вы были вчера, мисс Уэйнрайт, я вас на улицу не отпущу.

Вы? Это что-то новое. Я заметила, как заходили желваки на его лице. Я рассердила его? Но чем. Мне, правда, неуютно отрывать их от семейных дел, ведь я не имею никакого права тут находиться. Нелепость всей ситуации, в которой почему-то и мать, и сын ведут себя абсолютно непринужденно, будто в этом доме каждый день такое происходит, ставила меня в крайне неловкое положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.